

Журнал "Вокруг света"

№ 01, 1969

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 01, 1969 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58095-3

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58095-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОЙ ЭПОХИ

вое пятно. Жар теперь шел, казалось, со всех сторон. Налетающий ветер был тоже сухим и знойным, и Владимир впервые понял точность слова «сухостей».

Самодельный тент — распоротый купол капронового парашюта — пузырился над головой, дергал стропы. Но здесь все было в порядке. Стropы накрепко привязаны к кустам верблюжьей колючки, а у нее корни что сваи...

Владимир откинулся на парашютный ранец и попытался подсчитать, сколько же времени прошло с тех пор, как он очутился в этой песчаной яме, кое-как прикрытой куполом парашюта. И незаметно опять впал в забытие.

«ВЫЖИВАНИЕ ЭКИПАЖА САМОЛЕТА ИЛИ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ, ПОТЕРПЕВШЕГО АВАРИЮ В ПУСТЫНЕ, ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, НЕВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОПОЛНИТЬ ЗАПАСЫ ВОДЫ И ПИЩИ, А ТАКЖЕ МАЛОЙ ВЕРОЯТНОСТЬЮ ВСТРЕЧИ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ».

Комнаты лаборатории — обычные учрежденческие кабинеты. Лишь в одном из них скупая обстановка немного разрежена: в прозрачном ящике плавает заспиртованная акула, да под стеклом лежит распотрошенный НАЗ — носимый аварийный запас летчиков. Сотрудники лаборатории — авиационные врачи. В институте лаборатория известна под названием «лаборатория выживания». Одна из ее практических задач — проверить способность человека выжить в любых условиях всех климатических зон Земли.

В клеенчатую лабораторную тетрадь занесены подлинные человеческие трагедии, случившиеся в разное время, на разных широтах. Записки помогают исследователям и экспериментаторам воссоздать как можно точнее послеаварийную обстановку, поведение пострадавших в критических ситуациях.

...Там, где самолет скользнул на поляну, зацепив плоскостью вершины деревьев, теперь была свалка. Гнилые таежные ели, падая и разваливаясь на куски, вспороли снег, выворотили болотные кочки. Самолет не был скороходом. При вынужденной посадке это как раз и спасло жизнь

экипажу. Три цепочки следов уходили с поляны в чащобу.

Через несколько дней изнурительного пути все трое поняли, что обречены. Каждый понял это в одиночку, но все вместе они еще пытались обманывать друг друга — аккуратно готовились к ночевкам, вместе ломали наст в поисках оледенелых ягод и, пока были патроны, выходили на охоту. В тот день, когда патроны кончились, наступила развязка... Двое пошли на охоту без пистолетов — со снежками в руках. Белые куропатки, суматошные и черноглазые, далеко облетали этих странных людей. Третий стоял у низкой березы. Береза его только и держала. Слезы льдышками стыли в бороде и на почерневших щеках. Потом он навзничь опрокинулся в сугроб и больше не поднимался...

«ВСЕГДА ВОКРУГ ЕСТЬ ПИЩА И ВОДА. НАДО ТОЛЬКО ЗНАТЬ, ГДЕ ИХ ИСКАТЬ...»

— Эй, Владимир, ты жив? — Наверное, это Анатолий. Вот на тент падает его зыбкая тень. Но Владимир молчит: говорить не хочется, да и язык сух и скребет по небу словно наждак.

— Ты чего молчишь? — Лицо Анатолия совсем рядом. Голос его изменился, стал каким-то глухим, осипшим.

Он вползает под тент и устраивается на песке рядом. За последние сутки он здорово сдал. Владимир краем глаза видит запавшие щеки, синеву под глазами, рыжеватую щетину на подбородке. Конечно, сам-то он выглядит сейчас не лучше. «Красавчики... — шепчет он раздраженно, — герои-мученики...»

Песок колет иссушенную кожу, точно налетели полчища комаров и жалят, жалят... Но комары — это уж проверено! — прилетят попозже, когда наступят сумерки. — Ого, у тебя еще вода осталась! — Анатолий трясет подбранную флягу и не скрывает зависти. — А я уже сухой...

Водой они не делаются. Об этом был договор заранее. И о воде стараются не говорить, хотя такого договора не было. Лучше держать при себе дальние воспоминания: родник с ледяной водой, от которой ломит зубы, или запотевший бокал с рислингом...

Лежа под тентом, Владимир видел небольшую площадку рылого песка и странный стебель — толстый, жилистый и сухой. Стебель кончался пухлым шаром,

похожим на голову одуванчика. Под ветром он скрипел, и Владимир еще прошлой ночью собирался его обломать, но позабыл и заснул. Теперь стебель снова стонал, а потом возле него появились башмаки: подошел третий из экипажа — Алексей. Под тентом он все равно бы уже не поместился и поэтому, присев на корточки, остался снаружи.

— Ну как, выживаем? — спросил он, и рот его потянулся в смешливой гримасе. Ойкнув, он тотчас схватился за щеки и стал оттягивать кожу от скул. — У меня что-то кожи поубавилось, даже рот как на резинках...

«Да, воды маловато, — решил про себя Владимир, — так нам больше суток еще не выдержат...»

«ВОДА! У ТЕБЯ НЕТ НИ ВКУСА, НИ ЗАПАХА, ТЕБЯ НЕ ОПИШЕШЬ, ТОБОЙ НАСЛАЖДАЕШЬСЯ, НЕ ПОНИМАЯ, ЧТО ТЫ ТАКОЕ. ТЫ НЕ ПРОСТО НЕОБХОДИМА ДЛЯ ЖИЗНИ, ТЫ И ЕСТЬ ЖИЗНЬ. С ТОБОЙ ВО ВСЕМ СУЩЕСТВЕ РАЗЛИВАЕТСЯ БЛАЖЕНСТВО, КОТОРОЕ НЕ ОБЪЯСНИТЬ ТОЛЬКО НАШИМИ ПЯТЬЮ ЧУВСТВАМИ. ТЫ НАМ ВОЗВРАЩАЕШЬ СИЛЫ И СВОЙСТВА, НА КОТОРЫХ МЫ УЖЕ ПОСТАВИЛИ БЫЛО КРЕСТ».

— Да, воды маловато, — уже вслух повторил Владимир, и все трое, не сговариваясь, поглядели туда, где на высоком бархане стояла палатка. И сразу, будто поймав себя на стыдной слабости, отвернулись и заговорили о незначительных пустяках, совсем незначительных в окружении этих бесконечных обожженных пространств. Скоро и Алексей и Анатолий разбрелись по своим песчаным норам, и Владимир снова остался один.

В палатке на бархане была вода. Конечно, она тоже была горяча и отдавала кислым железом, но ее было много. Еще неизвестно, кому было бы труднее: настоящим летчикам, терпящим бедствие в пустыне, или вот им, экспериментаторам — авиационным врачам, вынужденным цедить по капле драгоценную влагу в ста метрах от канистр, полных до краев.

Глаза уже не ломало, да и жара вроде бы стала спадать. Вла-

димир блаженно улыбнулся, представив, как будет выигрывать пари: двадцать стаканов газировки он, конечно, выпьет моментально. Даже и без сиропа...

Он вспомнил то время, когда ему предложили работать в лаборатории. Тогда его привлекло то, что сотрудники обязаны были заниматься парашютной подготовкой. Обязаны!

Потом парашют ушел на второй план, так как работа в лаборатории врача-физиолога требовала от исследователя массы знаний и навыков, которых в институте не преподавали. Молодые авиационные врачи штудировали спецфизиологию — физиологию человека в экстремальных условиях, крайне неблагоприятных условиях воздействия внешней среды; сидели над учебниками географии, зоологии, биологии...

Шорох прервал его размышления. У блестящей шоколадной обертки копошилась ящерица. Когда Владимир повернулся, чтобы лучше ее рассмотреть, она замерла. Блестели бусинки глаз. Потом она снова начала тереть лапками фольгу и подбирать коричневые крошки.

...Сотрудники лаборатории должны были готовить исчерпывающие рекомендации для людей, волею случая попавших в аварийную обстановку. Новичкам не приходилось в толковать, насколько серьезна и благородна эта работа. Как правило, достаточно было напомнить, что хорошо известный Бомбар писал: на Земле ежегодно в морские катастрофы попадает примерно двести тысяч человек. И большинство из них гибнет уже ПОСЛЕ аварии или катастрофы, когда все главные беды позади.

«ЖЕРТВЫ ЛЕГЕНДАРНЫХ КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ, ПОГИБШИЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО... ВАС УБИЛО НЕ МОРЕ, ВАС УБИЛ НЕ ГОЛОД, ВАС УБИЛА НЕ ЖАЖДА! РАСКАЧИВАЯСЬ НА ВОЛНАХ ПОД ЖАЛОБНЫЕ КРИКИ ЧАЕК, ВЫ УМЕРЛИ СО СТРАХА».

Из разговора с сотрудниками лаборатории:

— Риск не возводится у нас в культ, на нем не строится работа, он не планируется. Но в то же время мы отдаем себе отчет, что довольно часто можем оказаться в рискованной ситуации. Это придает особый аромат и, если можно так выразиться, упругость, приятную напряженность нашим занятиям...

Виктор выполнял затяжной прыжок с парашютом. Отсчитав пятнадцать секунд, он выдернул кольцо. И вдруг что-то рвануло за ногу. Он повис вниз головой. «Стропа перехлестнула ногу», — сообразил он и, изловчившись, освободился от пут. Но что с ногой? Она не гнется, торчит писто-

летом. Не раздумывая, он с силой ударил по раздувшемуся колену. Нога стала на место, но действовать ею нельзя. А земля уже близко. Виктор крепко сжал ноги и, натянув задние стропы, упал на спину. Пахота смягчила удар. Вообще-то все кончилось благополучно, но ведь могло бы

быть иначе, растеряйся он или прими неправильное решение!
«**НЕТ БЕЗВЫХОДНЫХ СИТУАЦИЙ. ГЛАВНОЕ — ПРЕОДОЛЕТЬ СТРАХ И РАСТЕРЯННОСТЬ...**»

Столбик ртути в термометре опускался все ниже и ниже, и, глядя на него, Владимир мог при-

близительно сказать, который теперь час. В полдень столбик где-то около 44—46 градусов, а теперь опустился до обычной летней московской температуры. Зазвенели первые комары — и это тоже говорило, что на пустыню вот-вот падет вечер. И хотя ночь, холодная, свежая, не приносила

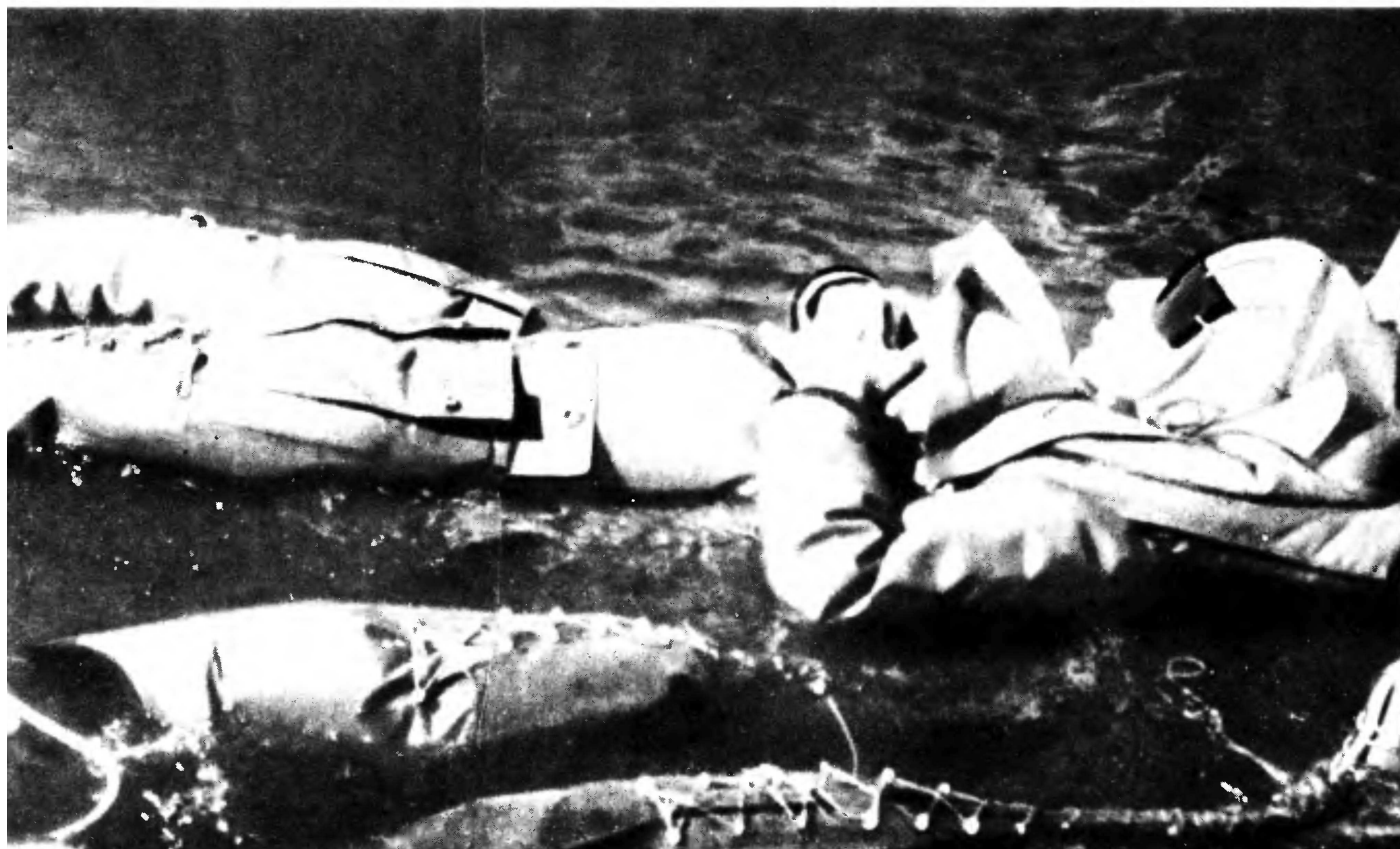
полного облегчения, Владимир радовался, что на несколько часов пекло отступит.

Он с удовольствием потянулся, несколько раз согнул и выпрямил затекшие ноги и решил, что пустынный эксперимент не так уж и страшен, если вспомнить мучения в океане. Несколько суток

Одна из задач экспериментатора — проверить качество аварийного запаса в условиях пустыни.

*На таежной поляне...
Для начала испытателям надо позаботиться о дровах: в трескучие морозы огонь — это жизнь*

*Испытатели в океане:
«Лежим на воде, а солнце печет невыносимо, и жажда подступает. И так — час, три, пять...»*

были они потерпевшими кораблекрушение. Проверяли, как действует на человека жара, жара и жажда — воды тогда тоже дали в обрез. Только оказалось, что все эти беды — не главное. Во всяком случае, для него, Владимира. На спасательном плоту оказалось слишком много народу, и Владимир даже теперь, год спустя, помнил, как ни разу не смог тогда по-настоящему выпрямиться: плот был с низкой крышей...

Но такие испытания — в лаборатории они назывались натурными экспериментами — он любил. Они манили всех его друзей по работе, и его самого тоже, сменной впечатлений, беспокойной и хлопотной жизнью. Тайга, арктические моря, океан, опять тайга, Черное море... И вот теперь — пустыня...

Они возвращались заросшие бородами, обветренные и переполненные всевозможными историями, которые в их устах почти всегда выглядели невинными развлечениями.

Они не боялись, что их уличат в надуманном оптимизме: ведь их дневники и дневники их предшественников не покидали стен лаборатории.

«СОВРЕМЕННЫЙ СКОРОСТНОЙ ЛАЙНЕР МОЖЕТ В УСЛОВИЯХ ОДНОГО ПОЛЕТА ПЕРЕСЕЧЬ СРАЗУ ВСЕ КЛИМАТИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ЗЕМЛИ. ЭКИПАЖ И ПАСАЖИРЫ ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА, ПОТЕРПЕВШЕГО АВАРИЮ, МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ В АРКТИКЕ, ДЖУНГЛЯХ, ПУСТЫНЕ, ТАЙГЕ ИЛИ В ОКЕАНЕ».

Выписка из дневника одной из первых «пустынных» экспедиций: «Июль. Пески Каракумы. Цель эксперимента — определить минимальный трехдневный запас воды, пищи и медикаментов в упаковке НАЗа. Испытания в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке.

На утро второго дня радист доложил: «Ш-в говорит, что он выходит из строя...» Связались с группой. Радист передал трубку Ш-ву: «Приезжайте, увидите все своими глазами и тогда примете решение».

Погрузили на машину запас воды и отправились в группу. Еще издали среди барханов увидели белеющую парусину, растянутую на кустах саксаула. Людей не было видно. Машина остановилась у глубокой впадины, за ко-

торой расстилались зыбучие пески. И по ту сторону мы увидели Ш-ва. Он брел шатаясь. Лицо его было желто-землистого цвета. Потом мы разглядели, что это прилип песок.

Бивак группы представлял странную картину. Возле гребней барханов и кочек, у стволов саксаула сидели люди. На нас почти не обращали внимания, отвечали вяло. Всюду разбросаны вещи из аварийной укладки, полусасыпанные песком. Россыпью в песке лежали куски сахара, консервы, пустые фляги, электрические фонари. Царило безразличие — никто не двигался, не говорил.

После короткого обсуждения испытатели согласились попробовать остаться в песках до утра следующего дня. Наблюдения поручили вести врачу-узбеку, который выглядел лучше остальных. Ш-ва решили эвакуировать: у него яркие симптомы перегрева и дегидратации...

«СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ПОТЕРЯ ОРГАНИЗМОМ 15—20 ПРОЦЕНТОВ ВОДЫ ЯВЛЯЕТСЯ СМЕРТЕЛЬНОЙ ПРИ ТЕМПЕРАТУРАХ 30 И БОЛЕЕ ГРАДУСОВ».

Эксперименты, в которых Владимир участвовал сам, и те, что были знакомы по дневникам предшественников, стояли перед его глазами. Да, они были достаточно жестки. Но жесткость эта могла поразить только непосвященного. Владимиру помнилась удивленно-вопросительная интонация одного собеседника: «Значит, вы сами себе планируете очередной ад?» — «Сами планируем ад». Владимир усмехнулся и pokrutil головой. «Ну и ну! Ад! Это просто называется: испытания в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке...» Он поймал себя на том, что разговаривает вслух. Последняя на сегодня медицинская проверка прошла: кровяное давление? — в норме; температура, пульс? — писчик электрокардиографа начертил задумчивые закорючки, и теперь Владимир опять в одиночестве встречал наползающие сумерки. Автономное существование в пустыне...

Эта самая «реальная обстановка» была в лаборатории камнем преткновения. Кто из них, авиационных врачей, мог с достоверностью сказать, как поведет себя пилот, покинувший горящий самолет и оставшийся наедине с собственными страхами, отчаянием и

безнадежностью, один на один с природой?..

А ведь их рекомендации, подкрепленные натурными экспериментами, и должны были вооружить человека в аварийной ситуации всем необходимым для борьбы за жизнь.

Именно поэтому экспериментаторы добровольно и бесконечно ужесточали свои испытания. Именно поэтому и завели у себя толстенную клеенчатую тетрадь, которая помогала точнее смоделировать аварийные ситуации в экспериментах.

«ВЫ МОЖЕТЕ ВЫЖИТЬ, НЕ ИМЕЯ НИЧЕГО, КРОМЕ ВОЛИ К ЖИЗНИ».

Из интервью с сотрудником лаборатории:

— Мы стремимся определить, где лежат пределы физиологической и психической выносливости. От опыта к опыту мы стараемся подходить со все более жесткими требованиями, потому что ответ очень нужен, чтобы понять до конца механику поведения и спасения человека.

«ЗНАНИЯ ЛИКВИДИРУЮТ БЕСПОКОЙСТВО И СТРАХ».

Над пустыней засияли звезды, крупные и низкие. Владимир увидел, как в лагере загорелся огонек. Там его товарищи, врачи-наблюдатели. Быть может, через месяц он поменяется с ними местами, и тогда они будут уходить в снежные чащобы или пробираться на резиновой лодочке через штормовое море, будут испытывать вместе с конструкторами новые укладки НАЗов — ножи, фонари, передатчики... А он, Владимир, будет наблюдателем, будет с тревогой и напряжением ждать их возвращения, и маяться, потому что самому гораздо проще рисковать...

В лагере побренчали посудой, закончив ужин (наверняка остатки чая выплеснули в песок!). Владимир повернулся на песке, который стал как будто тверже, остывая после дневной жары. Устроился поудобнее и напоследок потряс флягу — по дну еще плескало. И блаженно улыбнулся, представив, как будет вибрировать пари: двадцать стаканов газировки он, конечно, выпьет разом. Даже и без сиропа...

«НИКТО НЕ МОЖЕТ И НЕ ДОЛЖЕН РИСКОВАТЬ ЖИЗНЬЮ ИНАЧЕ, КАК ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА».

Каир

Главы из новой книги

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

ЧИТАТЕЛЯМ «ВОКРУГ СВЕТА»

Я никак не могу отнести себя к писателям-историкам по крайней мере в академическом смысле этого слова. С другой стороны, история всегда была мне близка, и почти все мои романы формировались вокруг какой-нибудь темы современной истории или современной философской проблемы. Так что чувство истории не только определило мое мировоззрение, но и оказало воздействие на мой подход к литературе и даже к собственной жизни.

По всем этим причинам мне пришлось по душе предложение одного американского издателя написать историю города Каира. Собственно, это должна была быть скорее историческая биография, нежели академическое изложение фактов, но биография тем не менее полная, оригинальная и новая. Такой поворот темы еще больше устраивал меня.

Мне кажется, однако, что главной причиной моей заинтересованности стала моя тесная связь с народом Египта, его современной судьбой. Я глу-

боко восхищен арабской культурой. В ней есть достоинство и сила, романтичность и поэзия — все, чтоб увлечься ею и как писателю и просто как человеку. Но еще более привлекает меня характер той борьбы, которую ведет этот народ за свое освобождение — не только от средневекового и феодального прошлого, но и от черного наследия долгой иностранной оккупации.

Удивительно: Каир как город находился под чужеземной оккупацией еще со времен завоевания Египта греками и персами. Начиная с Александра, не было на его земле такого периода, когда б не правил им чужеземец. И тем не менее город на протяжении тысячелетий оставался сердцем, веной, обнаженным нервом почти каждого этапа культурного развития страны.

Сердцем я прожил в Каире каждую его эпоху и каждый его период, как человек, у которого двадцать жизней. Я провел три года, раскапывая свою книгу в архивах Британского музея, прежде чем написать первую строку. Но и тогда я прикоснулся лишь к по-

верхности океана сведений о городе, записанных на английском, французском, немецком, арабском и дюжине других языков. Я отправился в Каир, чтобы там проверить тысячу фактов и опробовать еще одну тысячу, а может, и больше различных мнений о Каире. И я был рад окончить эту книгу, потому что три или четыре года такого напряжения даются не просто. Но в то же время мне было жаль дописывать последний абзац, потому что одна мысль — как же, черт возьми, мне дальше жить без города, которому я посвятил столько времени и труда? — мучила меня.

Я думал как раз об этом, когда ко мне зашел мой старый друг Олег Орестов (любезно взявшийся перевести эту книгу), чтобы проверить звучание двух-трех фраз. И я понял, что каким-то образом я все же сумел научиться жить без Каира, хотя я и по-прежнему думаю, что все, что вы здесь прочтете, есть не только фрагменты истории города, но и добрый кусок моей жизни тоже.

Лондон, октябрь 1968 г.

Существует семь Каиров. Точнее, девять, если считать, что во времена строительства пирамид район Каира — Гиза — представлял собой царскую ферму, и если добавить древний город Гелиополис, где в течение многих веков находился самый передовой в мире университет и центр доклассических знаний и наук. Оба района теперь пригороды современного Каира. Точное расположение семи (или девяти) Каиров хорошо известно, но даже сейчас найти их и проследить, где и как один переходит в другой, все равно что разгадывать замысловатую головоломку.

Для того чтобы разобраться в Каире, познания археолога не так уж нужны.

Куда полезнее знакомство с драмой, событиями,

составившими семь актов сотворения города, зачастую настолько фантастичными и неправдоподобными, что документальное изложение их ничего бы не доказало. Подлинный характер города настолько экзотичен, что о нем не расскажешь в сухих документах.

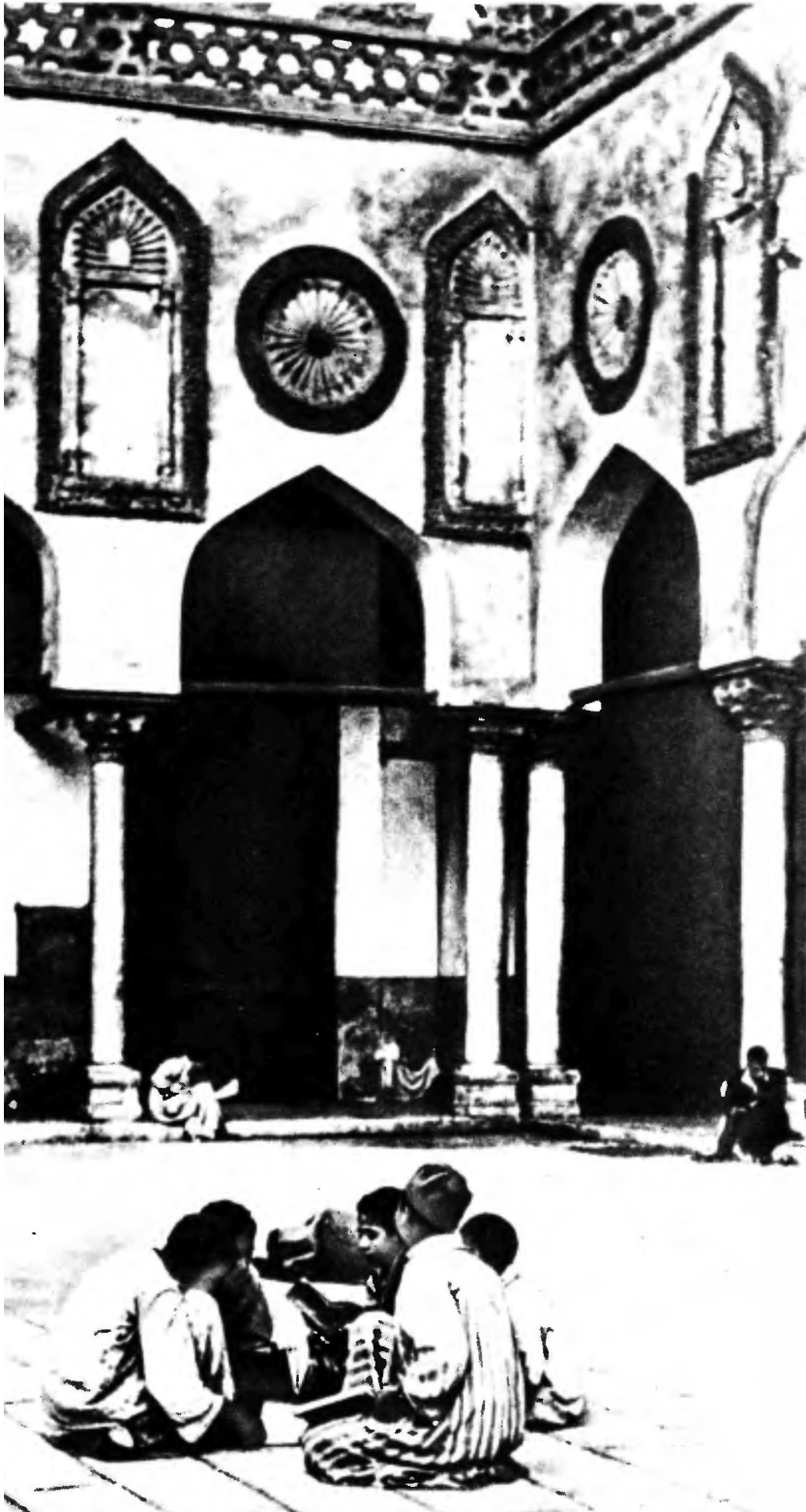
Обитателей города не сломили ни насилия, ни жестокость. Помогла их способность быстро восстанавливать бодрость духа и удивительное чувство юмора, с которым не мог совладать ни один завоеватель. Они страдали от угнетателей, приспосабливались к ним и в конце концов обезоруживали их. Однако прежде чем они могли воспользоваться плодами своей моральной победы, неизбежно появлялся новый завоеватель. Моральный подвиг в Каире

обычно длился недостаточно долго, чтобы город мог успешно отразить очередное нашествие нового завоевателя.

Чтобы взглянуть на Каир, лучше всего подняться на вершину горы Мукаттам, откуда открывается панорама столицы. Там находится ночной клуб «Казино ди Монте Белла». Отсюда вы можете от зари и до полуночи любоваться городом. Конечно, только большой энтузиаст способен просидеть с утра до ночи на горе, но зато он увидит раскинувшийся город во всем многообразии окутывающих его покрывал Востока. Днем и ночью словно чья-то рука на-

брасывает на город легкую, непрерывно меняющую тона волшебную вуаль прозрачного сухого воздуха. Но это лишь иллюзия, пылевой мираж, который окрашивает крыши домов и то поднимает город к небесам, то грубо опускает его в пустыню.

Горная терраса удобна и тем, что вы можете охватить взором равнину, пустыню и реку. Взглянув на Каир в этом обрамлении, вы начинаете понимать, почему он возник именно здесь. Взгляните на юг, и вы увидите плоские бесконечные берега реки, текущей из глубины Африки. Обернитесь на запад — перед вами первые жилки богатой Дельты. На се-

вере река упрямо несет свои воды к Средиземному морю. Мукаттам находится на востоке; вы сидите на самом краю Аравии, так как именно эта гряда завершает собой Аравийские горы. Каир построен там, где сходятся Африка, Европа и Азия.

КАИР ДИНАСТИЧЕСКИЙ

Когда я впервые прочитал в известном «Руководстве» по египетской религии Адольфа Эрмана, что периметр самой большой из трех пирамид равен

периметру лондонской площади Линкольнсинн-Филдс, я не поверил. Я пошел на это место, чтобы убедиться в правильности его утверждения. Должен признать, что он не ошибся.

Когда Наполеон смотрел на три великие пирамиды, он сразу же в уме подсчитал, что из их каменных глыб можно было бы построить стену вокруг Франции высотой в три метра и толщиной в тридцать сантиметров. Геродот пишет, что среди множества надписей, покрывавших тогда пирамиды, он видел одну, в которой сообщалось об огромных суммах денег, истраченных на лук, чеснок и редьку для

Каир соединил в себе века и цивилизации. На его улицах — памятники ушедших эпох, а в его памяти — воспоминания о предках.

До сих пор рядом с новым университетом стоит мечеть аль-Азхар, построенная в 970—972 годах, — одна из древнейших исламских школ.

Во всемирно известном Египетском музее воспроизведена эта сцена из жизни Египта времен фараонов. Обычный ежегодный подсчет поголовья. Двое крестьян с помощью увесистых палок выстраивают быков в затылок друг другу; трое же «учетчиков» на пальцах считают животных.

рабочих. Такое восхищение грандиозными масштабами пирамид характерно для всей серьезной литературы. Каждому хочется почему-то привести эти памятники к обычным земным масштабам.

Но если вы подойдете к пирамидам с чисто «земной» меркой, вы увидите, что сделать вам это будет очень трудно.

В ноябре 1966 года я стоял у подножья пирамиды Хефрена с д-ром Ахмадом эс-Санадили, египтологом из Каирского университета. Мы размышляли о том, как выглядел Каир и его окрестности 5 тысяч лет назад. Эс-Санадили сказал, что, по его мнению, он был таким же, как и сейчас.

— Уберите только телеграфные столбы и многоэтажные здания, — говорил он, — а все остальное: пашни, пальмовые рощи, каналы, птицы и люди — выглядело так же и в те времена, когда Хуфу¹ приезжал сюда из Мемфиса, чтобы проверить, как идет строительство его пирамиды.

Не нужно богатого воображения, чтобы, сидя на каменном выступе пирамиды, мысленно населить район Каира крестьянами, лодочниками, поварами, ремесленниками, каменщиками, знатью, жрецами, а также быками, собаками и кошками, существовавшими здесь пять с половиной тысяч лет назад. Каир представлял собой большое земледельческое хозяйство, которое снабжало строительство пирамид овощами. Лук, чеснок и редька — это все, что правительство давало за свой счет строителям пирамиды.

Рядом с царской фермой Гиза, вблизи пирамид, существовал сравнительно большой временный город. В течение двух десятков лет сотни тысяч людей тесали и шлифовали здесь огромные каменные глыбы, а затем укладывали их друг на друга. На холме у пирамид теперь небольшой дансинг «Стереоклуб», а рядом с ним заметны руины жилых домов строителей пирамид. Сидя как-то ночью на этом песчаном холме, я думал, зачем понадобилось фараону строить убежище для своей души на таком сухом и пустынном плато. Почему бы не построить его на севере в Дельте или к югу отсюда, где долина реки расширяется? У Хуфу было два царства — Красное на севере и Белое на юге, причем он, как «властитель двух земель», олицетворял их единство. Именно поэтому он хотел замуровать свою душу на вечные времена где-нибудь на линии, разделявшей два царства. Эта линия проходила здесь на плато. Сегодняшний Каир стоит точно на границе двух царств, которые ныне именуют Верхним и Нижним Египтом, и, как столица этих двух столь несхожих частей Египта, он является таким же символом государственного единства, каким был Хуфу для древних царств.

И все же, почему именно здесь? Почему не ближе к реке? Все дело в небольшом сухом плато: именно потому, что оно сухое и на нем находится неограниченный запас строительного камня. Кроме того, плато расположено к западу от реки, а западный берег принадлежал мертвецам — здесь и полагалось хоронить властителей. Почти все камни для внутренней части пирамид добывали здесь, на этом известняковом плато.

Скульпторы и архитекторы Хуфу были тончайшими знатоками этого камня. Они не только умели шлифовать его до толщины оптического стекла, не только создавали из него каменных колоссов, но

¹ В современной литературе Хуфу больше известен под греческим именем Хеопс. — *Прим. ред.*

с удивительной изобретательностью использовали камень прямо на месте. Сейчас полагают, что фундамент пирамиды Хефрена представляет собой монолитную каменную скалу, а Сфинкс — не что иное, как обработанная искусными руками каменная глыба. Скала напоминала крадущегося льва, и, как пишет д-р Ахмад Фахри в книге «Пирамиды», архитекторы фараона представили ее в виде великолепного Сфинкса. Они превратили мозолистый глаз уродливый камень в блистательный памятник.

К сожалению, камень, из которого выбит Сфинкс, очень мягок, и поэтому сильно пострадал от времени, но еще больше от рук уродовавших его сотен поколений визитеров. Его нос отломал какой-то шейх, пытавшийся уничтожить Сфинкса в 1496 году. А любители надписей приступили к «работе» чуть ли не со дня его создания. Самая знаменитая надпись на классическом греческом языке была сделана на пальцах лап Сфинкса во времена Птолемея. Писавший поясняет в стихах, что он, как и Сфинкс, предпочитает веселиться и танцевать, а не «резать людям горло».

Надписи и туризм сопутствуют друг другу, и с тех пор, как пирамиды перестали быть царским заповедником, люди стремились взглянуть на них. Всерьез туристы потянулись сюда примерно с 700 года до н. э. Тысячи и тысячи людей забиралась на вершину большой пирамиды и выбивали там свои имена. Я спросил крестьянского парня, который за деньги поднимается на пирамиду и спускается с нее за семь минут, сколько имен написано на ее вершине. «Около миллиона», — ответил он, не задумываясь. Из миллиона он запомнил только два имени: Эдуарда VII и короля Фарука.

Вероятно, пирамиды посетили Цезарь и Клеопатра, когда они плыли по Нилу на роскошной барке Клеопатры. Геродот приходил сюда в сопровождении жреца из Гелиополиса; по-видимому посещал пирамиды и Платон, изучавший науки все в том же Гелиополисе. Редко кто из посещавших Каир отказывался взглянуть на пирамиды. Но вот Шатобриан не поехал к пирамидам, хотя и послал слугу, чтобы тот поднялся на вершину большой пирамиды и выцарапал имя своего хозяина.

Первая и самая большая пирамида — Хуфу, или Хеопс, — была построена в период концентрации политической, религиозной и экономической власти, символом которой было: «Один фараон и один бог». Так зародилась абсолютная власть фараона. Только ему в Египте дозволялось обращаться к богу, а поэтому все, в том числе и экономика страны, было подчинено его нуждам и интересам.

Жрецы и знать жили в своих вотицах. По мере обострения конфликта между ними, народом и фараонами пирамиды, которые строили преемники Хуфу, становились поменьше и подешевле. Когда Менкаура построил третью пирамиду, конфликте между фараоном и жрецами принял такую острую форму, что следующий владыка, Шепсескаф, вообще покинул этот район и отказался от мысли о строительстве своей пирамиды. Он построил в нескольких милях отсюда, в пустынном месте Мастабат Фарун, уже не пирамиду, а «мастаба» (надгробье).

Последнюю главу в историю пирамид внесла сестра Шепсескафа — Кенткоус. При ней «божественное государство» рухнуло, и жрецы захватили контроль над страной. Кенткоус вышла замуж за

жреца из Гелиополиса, и переход власти к жрецам был завершен.

Если бы прекрасная царица (известно, что она была очень красива) захотела, ее могли бы захоронить вместе с братом в Мастабат Фаруне, но она предпочла для себя плато со старыми пирамидами, где покоился прах ее предков. Заброшенная четвертая пирамида и есть ее могила. Это небольшое сооружение позади Сфинкса, похожее на часовню в скале, с огромным погребальным отверстием и нишами, идущими вокруг стен. Перед входом — песчаная черная терраса. Это превратившиеся в пыль остатки глиняных барачков, в которых жили рабочие, строившие пирамиду для Кенткоус. Эта маленькая женская пирамида для человека, разбирающегося в истории, куда ценнее трех ее братьев-гигантов, возвышающихся на холме.

Так завершилась эпоха влияния пирамид на раннюю историю Каира, ибо после того, как была захоронена в «часовне» Кенткоус и навеки замурована тяжелая каменная дверь, господство живых и власть мертвых переместились на другой берег реки — в древний Гелиополис.

ГЕЛИОПОЛИС

На бедных окраинах Матарии стоит одинокая заброшенная каменная колонна — все, что осталось от великолепного храма бога Солнца Ра. Здесь было сердце древнего Гелиополиса, а под соседней деревней Хосн-эль-Араб похоронен остальной город.

Когда я в последний раз бродил с доктором Али Хассаном и другими египтологами по скопищу древнего мусора, на котором стоит Хосн-эль-Араб, мы неожиданно оказались в хвосте деревенской свадебной процессии. Впереди шли два огромных быка с разукрашенными рогами, за ними танцевавшие крестьяне. Вся процессия носила характер древнего языческого обряда, который, вероятно, совершался в блистательном городе, лежавшем под нашими ногами. Это было такое нереальное зрелище, что мы остановились и кто-то воскликнул: «Но это же привидения!»

Подлинное привидение — сам древний город, духовный прародитель большинства «цивилизованных» религий. Когда культ Солнца в Гелиополисе достиг своего расцвета (примерно в 2500 году до н. э.), в нем уже можно было различить черты не только будущего messiанского бога евреев, но и пречистого сына божьего, святой троицы и морального кодекса заповедей, который предвосхищал многие идеи, нашедшие почти 2000 лет спустя свое место в Старом завете.

Но культ Солнца был и орудием власти жрецов и знати Гелиополиса. Они контролировали сложное сельскохозяйственное производство, так как культ Солнца помогал им понять движение звезд. Астрономия позволяла им не только предсказывать приближение разлива Нила, от которого зависело египетское земледелие, но и давала им знания геометрии и тригонометрии, столь необходимые для размежевания полей, границы которых регулярно уничтожал разлив.

Жрец Гелиополиса благодаря науке, а не религии стал вершителем судеб Египта, его судьей, землемером, архитектором, планировщиком, инженером и счетоводом. Все египтяне зависели от него, и в конечном итоге его власть превысила власть фараона.

Когда стоишь на крестьянском поле, заросшем фасолью, около развалин храма и слышишь за спиной

шум современного Каира, трудно представить себе, каков был этот древний город. И все же это место неумолимо влечет к себе, ибо ты знаешь, что под четырьмя метрами нильского ила наверняка лежат памятники старины.

В 1966 году, 50 лет спустя после последних раскопок английского археолога сэра У. М. Флиндерса Петри, египтяне снова приступили к работам. Петри приехал в 1912 году и сделал несколько траншей на илстых полях, рассчитывая определить периметр городских стен и найти второй обелиск, который, по его мнению, обязательно должен был составлять пару с сохранившейся до нашего времени колонной. Он нашел и стены, и обелиск, а его отчет о раскопках не менее увлекателен, чем приключения Шерлока Холмса, тем более что он пользовался дедуктивным методом знаменитого сыщика. Он брал сначала очевидные факты и, если они ничего не давали, искал ответа в том, что оставалось за пределами этих фактов.

Сохранившийся обелиск стоял в открытом дворе храма. Когда-то этот двор считался святой святых, и на пирамидальной вершине камня, именовавшегося «бен-бен», возвышалась фигура крылатого Феникса. По словам Адольфа Эрмана, богу Солнца обычно поклонялись на открытом воздухе.

Сами колонны — это подлинный источник вдохновения. Достаточно остановиться у обелиска в Гелиополисе, и воображение рисует картины далекого прошлого. Нужно только ознакомиться с той богатой информацией, какую оставили нам современники этого памятника. Геродот бродил по Гелиополису и вокруг пирамид и восхищался всем, что он видел. Судя по всему, Геродота, пришедшего в Египет при персах, пытались ввести в заблуждение его проводники — жрецы Гелиополиса, но его не могли обмануть собственные глаза. «Страна кишит врачами...» — пишет он, добавляя, что они специализируются в различных областях медицины. Он рассказывает нам, как египтяне пекли корни папируса, мазали тело маслом «кики», спали на болотах под сетками, чтобы спастись от москитов. Он восхищается уважением молодых египтян к старшим, рассказывая, что юноши встают, когда в комнату входит взрослый.

Эпитафию старому городу написал греческий географ Страбон, посетивший руины Гелиополиса в 25 году до н. э. «В Гелиополисе, — пишет он, — я тоже видел большие дома; говорят, что в древние времена это место было поселением жрецов, изучавших философию и астрономию; но от их деятельности не осталось и следа...»

Я не успел закончить паломничества к древним, так как в это время друзья-египтологи потащили меня через ухабы и холмы, чтобы показать только что раскопанный ими храм. Холм сухого ила был разрезан, словно каравай хлеба, и в траншее виднелись руины небольшого храма, построенного Рамсесом II. Пришлось стать на четвереньки, чтобы взглянуть на прекрасно окрашенный фриз. Фриз был очень красив, и мои египетские друзья уже оживленно спорили о смысле покрывавшего его орнамента. Меня же больше привлекали два голых мальчишки, сидевших на краю траншеи и усиленно тянувших за хвост козла, который вырывался и жалобно блеял. Храмы, грязь и веселье — вот все, что сохранилось от Древнего Египта в этой деревушке, уже находящейся в пределах современного Каира. И тем не менее она интересна уже хотя бы

тем, что построена на руинах одного из самых блистательных городов истории. Египтяне — многострадальный народ, но даже в своей нищете, навязанной извне, они радуются всякой мелочи, никогда не ощущают себя несчастными и не теряют способности смеяться.

ВАВИЛОН

Еще несколько лет назад можно было сесть в трамвай в центре Каира и доехать до старой римской крепости, с которой началась история города. За исключением специалистов, мало кто в Каире имеет представление об этом форте, а многие образованные кайрцы даже не слышали о нем. Египтяне называют этот любопытный уголок столицы Маср эль-Агтика, то есть Старый Каир. Так оно и есть, это самая старая часть Каира. Здесь арабы опята Каир у византийцев.

Форт на берегу реки построил римский император Траян, но за последние 600 лет Нил изменил русло, и крепость оказалась на возвышенном и сухом месте.

Римляне выбрали этот прибрежный участок из-за военных соображений, но в то время там уже находилось старое поселение времен фараонов и порт, куда прибывали из Верхнего Египта зерно и тропические продукты. Это старейшее поселение называлось Вавилоном. Ученые до сих пор спорят, почему поселению дали такое название. Почти определенно известно, что это искаженное древнеегипетское «Пер Хапи ен-Он», что означает «Дом на Ниле по дороге в Он», — так египтяне называли близлежащий остров Рода. Но есть и другая точка зрения. Как пишет Диодор Сицилийский, военнопленные, привезенные Рамсесом II из месопотамского Вавилона, восстали в знак протеста против невыносимого рабского труда. В Египте они, вероятно, работали в каменоломнях. Восстание перепугало фараона, и он отдал пленным во владение участок около реки, где они создали колонию свободных людей, назвав ее именем родного города.

Рим нуждался в Вавилоне. Траян возродил к жизни старый канал времен фараонов, который существовал с 2000 года до н. э. и соединял Красное море с Нилом. Он вывел канал к Нилу вблизи крепости

